

Букреева И. В.

КУЛЬТУРА: УНИКАЛЬНОСТЬ И РАЗЛИЧИЕ

Принято считать, что каждая культура по-своему уникальна. Уникальность – атрибут культуры, ее неотъемлемое свойство. Уникальность ассоциируется с отличительностью, своеобразием, самобытностью. Самобытность означает «самость» в бытии, свое, собственное, ни на что не похожее, бытие. Очевидно также, что уникальность означает единственность, неповторимость. Все перечисленные выше свойства подразумевают некий предел. Самость как само стояние в бытии не может быть той или иной степени, либо такое самостояние есть, либо его нет. Встреча с иной культурой – это встреча с необычным, непривычным, неудобным. В отличие от иного, свое – это то, что выглядит удобным, привычным, а потому и разумным, целесообразным. Привычно что-то делая, получая один и тот же результат, мы приходим к убеждению, что наши действия соответствуют реальности, более того, мы начинаем верить, что реальность именно такова и другой не может быть. Поэтому встреча с иной культурой – это встреча с иным миром, вызывающая порой шок, потрясение.

В конце XVIII века просвещенная христианская Европа, благодаря экспедициям капитана Кука, узнала о нравах и обычаях полинезийцев. У европейцев они вызвали подлинный шок. Еще раньше подобные ощущения были испытаны встречей с культурой американских индейцев. Но потрясение и шок от встречи с необычным очень скоро прошли. Иная реальность начала интерпретироваться через призму собственной культуры. Своя культура – это привычная повседневность. Основатель социальной феноменологии Альфред Шюц считал, что повседневность есть «верховная реальность». Повседневность реальнее любого иного, будь-то иная культура или иная из сфер опыта. Повседневность есть нечто устойчивое, которое стремится сохранить свою устойчивость. Поэтому, стремясь сохранить свою устойчивость, и в силу самой устойчивости культура при встрече с иным, необычным так переопределяет ситуацию, что необычное становится обычным, забытым или неправильно понятым. Это достигается путем обнаружения в иной культуре черт, сходных с собственной культурой. Так европейцы начали видеть в индейской и полинезийской культуре черты, которые напоминали им самих себя на ранних этапах европейской истории.

В свою очередь, сами коренные жители увидели в чужеземцах богов, вернувшихся из путешествий в дальние страны. Произошло стирание различий, вернее их уничтожение. Подобные процессы происходят и в наше время, например, на просторах бывшего Советского Союза. Стремительно ринувшиеся в самостоятельность бывшие советские республики, которых «сплотила» в свое время «Великая Русь», вдруг начинают осознавать свою неспособность к самостоянию и вновь уходят в темные глубины индивидуального общественного сознания, чтобы снова на каком-то этапе истории прорваться в общественно-политическую жизнь. Происходит нечто напоминающее вечное возвращение Ф. Ницше. Почему такова судьба различия, почему в противостоянии с тождеством оно терпит поражение? Ведь если что-то узнается, то узнается сходное, тождественное. Если кто-то будет выделяться из окружающих девиантным мышлением, поведением и т.п., то, как правило, эта необычность будет вскоре подогнана под какой-то, наперед заданный стандарт, то есть с чем-то отождествлена.

Вновь возвращаются в нашу жизнь такие, казалось бы, уже забытые приемы интерпретации необычного, как «окропить помещение», или, например, признать кого-то душевно больным, или вызвать милицию-«семиручницу». Осуществляется оптимальное решение, но сама данная оптимальность является такой только в рамках данной культуры. Все происходит таким образом, как если бы различие с самого начала было признано чем-то виноватым – за ним числится такое, что тянется в глубину веков, там, в той глубине, есть его «первородный» грех. А грех-то как раз состоит в том, что оно ответственно за

отпадение вещей от единого, за существование отдельности, уникальности. В сохранившемся фрагменте сочинения Анаксимандра «О природе» звучат трагические ноты о «вине» всего существующего мира разнородных вещей. В чем заключается «вина»? «Вина» - это собственная обособленность, уникальность, отдельность как отрицание беспредельного. М. Хайдеггер, размышляя об этом изречении Анаксимандра, в том его переводе, который был сделан Г. Дильсом, акцентирует внимание на том, что «вина» вещей состоит в «бесчинстве после установленного срока». В чем же тогда должно состоять «чинство» вещей, такое их поведение, за которое они бы несли «вину», не «платили» бы «друг другу» «взыскания и пени»? Правильное «чинное» поведение вещей должно, в интерпретации Хайдеггера, состоять в умении «сочинить» свое собственное бытие. «Сочинение» состоит в том, чтобы соединить, привести в соответствие «происхождение» вещей, их явление из «скрытости» и последующий «отход». Соединяя, «сочиняя» вещи промедляют в своем в своем бытии. Если промедление состоит только в том, чтобы «сочинить» происхождение и последующий отход, то «вины» в том нет, и платить «взыскание и пеню» друг другу не нужно. Иное дело, когда вещи костенеют в голом упорстве, препятствуя таким образом появлению в «несокрытости» других. Вот тогда-то и надо «платить» неустойку, иначе все вещи начнут «медлить», препятствовать друг другу, то есть начнут «бесчинствовать» [5;с.50].

Вещь, появившаяся в несокрытости, есть вещь уникальная, на ней лежит печать различия. Неуникальной вещи незачем появляться, ибо подобное тождественное уже есть. Таким образом, появление новых вещей не есть голое повторение, это не повторение одного и того же, а повторение, несущее в себе различие. Если какая-то вещь упорствует в своем пребывании «в несокрытости», то она должна платить «пеню» иной вещи. Чем же вещь может заплатить? Только тем, что ей дороже всего, тем, что составляет саму ее суть – уникальность.

«Упорствование» в пребывании «несокрытости» может быть «голым» упорствованием, когда «сочинение» не получается, а может быть такого рода промедлением, когда как раз «сочинение» получается.

Обратимся теперь к культуре. Почему некоторые, вновь обретшие себя культуры начинают вновь ощущать свою как бы неполноценность, почему они вновь пытаются в лоно иной, скажем так, более сильной культуры? В свете приведенных выше рассуждений это выглядит так, как если бы осуществилось голое повторение, то есть повторилось тождественное, произошло вырождение повторения. Представители вновь появившейся или возродившейся культуры вдруг обнаруживают, что никакой уникальности они в себе не несут. Поэтому возникает вопрос о смыслах. Смыслы - то как раз и отсутствуют. Если перевести метафизику в плоскость конкретной политики, то очевидно, что самостояние культуры определяется властью предрешающими. Голое повторение, как правило, реализуется среди людей этой общественной прослойки. Среди всего того, что вечно возвращается, Ницше выделяет, в первую очередь, волю к власти. Воля к власти реализуется, в конечном счете, как стремление к покорению. «Человек стремится охватить целое земли и ее атмосферу, присвоить себе скрытую власть природы в форме ее сил и подчинить ход исторического совершения планам и порядкам некоего землеуправления». Воля к власти реализует себя в культуре как власть сходного тождественного. Оно торжествует. Но при всем этом торжестве тождества над различием «человек не просто не в состоянии ответить на вопрос, что есть? Или, что это есть? Или сказать, что некоторая вещь есть» [5; с.68].

Различие порождает проблемы. С ним непросто, как непросто свести начала и концы. Различное гордится своей уникальностью, непохожестью. Его гордыня должна быть сломлена. Для этого надо показать и всячески подчеркивать преимущества тождественного. Какие огромные преимущества несет в себе общность трех «братских» славянских народов! Платон первым показал преимущества тождества как общего, как

общих, общезначимых понятий и идей. Тождество оправдано не только этически (никто никуда не отклоняется), но и эстетически.

Прекрасное – это идеал, совершенство. Идеальное не может находиться среди отдельных вещей, среди различия. Различие, отдельность, уникальность есть лишь следствие, а причина – идеи, идеальное, находящееся в особом горнем мире, ибо только там можно свести «начала и концы». Причинно-следственное описание принципиально отличается от идеи повторения. У Канта причинно-следственный подход носит априорный характер. Существует точка зрения, согласно которой причинно-следственное описание как априори детерминировано кровно-родственными связями, отношениями родства, царившими в древнегреческом обществе. Причинно-следственный подход породил, в свою очередь, рационализм. Предельное выражение рационализма - деньги. В них начинают видеть смысл. Рационально все, что приносит деньги. Но в них же и подлинное торжество тождества: это всеобщий эквивалент, на который все обменивается. Но, тотально подчинив себе различие, тождество породило и своего злейшего врага. Им стал симулякр. Симулякр означает симуляцию, создание видимости. Дело в том, что с идеальными вещами также не так просто иметь дело. Попробуй быть идеалом, совершенством. Но сама эта мысль в рамках платонизма кощунственна. Платон понимал, что если вещи совершенны лишь по степени своего приближения к идеалу, то может быть такая вещь, такая копия идеала, которая столь далека от него, что является самой «ужасной» плохой копией, своеобразным антиподом отрицанием идеала.[3; с.58] Это и есть симулякр. Он только надевает оболочку преданности тождеству, а сам живет различием.

В современной культуре царят симулякры. Это царство масок и обмана. Это означает, что на самом деле властвуют различия, но в силу самой природы симулякров мы не можем их абсолютно ни с чем отождествить. Симулякры царят не только в культуре, но и в общественно-политической жизни. Поэтому, если кто-то провозглашает идеи «братства, единения», то на самом деле идеалы там совсем иные. Это может быть просто маска, за которой скрывается следующая маска. Симулякр живет различиями, но эти различия для него только вынужденная игра. На самом деле он все-таки привержен тождеству, ибо под видом тождества легче вести игру в различия. Он играет с бытием, нарушая его законы. Нарушает потому, что бытие по-прежнему забыто. Забыто как различие бытия и сущего (само забвение, по Хайдеггеру, не есть следствие забывчивости мышления. Оно принадлежит самому существу бытия. То есть существо бытия, его совершение начинается как его забвение в пользу присутствующего-сущего. Но все, что существует, должно иметь свою причину, «свое происхождение в некотором высшем присутствующем» [5; с.62].

Отсюда недалеко до возведения культуры в ее уникальности также в ранг идеального, совершенного. Если уникальность культуры есть следствие, то следствие чего? Причинно-следственное описание предусматривает временное отстояние. Этот же подход требует описание, предусмотренное отстояние. Этот же подход требует однозначности: либо...либо. В отношении культуры это звучит так: либо культура должна полностью соответствовать природе, либо противостоять ей.

Первое породило известные руссоистские концепции «естественного состояния», когда истинная культура соотносится с естественным природным состоянием человека. То, что называется культурой, цивилизацией, только портит человека. Люди рождаются с

естественным правом на равенство. В обществах нецивилизованных это состояние равенства осуществляется естественным образом. Наоборот, в тех же обществах, которые принято считать культурными, цивилизованными естественным образом осуществляется неравенство. Лучшие задатки людей подавляются обществом.

Альтернативные концепции развивали И. Гердер и И. Кант. И. Герден видел смысл культуры в том, чтобы «гуманизировать людей», то есть «сделать из бесчеловечных чудовищ и полулюдей людей в собственном смысле» [2; с.152]. И. Кант рассматривал культурный процесс как освобождение человека от власти инстинктов, как переход от «безрассудной свободы», «свободы», «не основанной на законе», к «свободе разумной». Категорический императив Канта означает тотальный запрет на все естественное, природное и определяет культуру как противоборствование и долженствование.

Но как соотносятся эти концепции с уникальностью и различием культур, с возможностью понимания иной культуры? Если культура определяется по степени приближения к идеалу, совершенству, тождеству, то правомерной выглядит точка зрения И. Гердера на различие между культурами как такое, которое носит не качественный, а количественный характер. Культура, таким образом, выступает как необходимый атрибут всех народов – варварских и цивилизованных, античных и средневековых, европейских и азиатских.

Культура универсальна сама по себе, поэтому представитель одной культуры всегда сможет понять представителя иной культуры. Для Гердера, как видим из платоновского идеала тождества, совершенства, это означает найти сходное, общее.

Различие, а вместе с ним уникальность, отсекается. Основной пафос познания и понимания заключается в усмотрении общего в разнородном множестве явлений. Но является ли такой способ описания реальности вполне адекватным и достаточным? Не в таком ли подходе кроются причины межнациональных, межэтнических конфликтов? И каждый раз человечество ищет причины случившегося, находит их, но все снова повторяется.

Юм в свое время высказал интересную мысль, что «... Необходимость есть нечто существующее в уме, а не в объектах» [6; с.81]. Точка зрения Юма состоит в том, что причинно-следственная связь, а вместе с ней и мышление, ориентирующееся на тождество, коренятся в самом мышлении. То есть, если я «до того» понял, что значит причина и следствие, то я соответственно буду искать и буду находить в природе и в культуре и причины и следствия.

Природа, как об этом говорят данные науки, безусловно, предшествует культуре. Следует ли из этого, что природа есть причина культуры? А может культура есть причина природы? Ведь не будь культуры не было бы и природы, прежде всего как идеи, понятия. Получается замкнутый круг. Это же относится и к уникальности. Уникальность такой- то культуры имеет такие-то причины. Но что есть действительная причина и что есть следствие? Тот же самый круг. Мы ищем тождество и, конечно, находим его, не отдавая себе отчета, что в реальности не существует ни темного, ни светлого, ни горячего, ни холодного: эти тождественные противоположности реально существуют только в голове. Вывести причинно-следственную связь апостериори невозможно. Но если это так, то наблюдаемые нами в объективной реальности причинно-следственные связи, когда за одним явлением обязательно следует другое, есть на самом деле простое повторение. Повторяется день и ночь, падение дождевых капель на землю, упорное стремление растений к свету, повторяется человек. Это ясно и безусловно. А вот в отношении существования причинно-следственных связей такой безусловности нет. Выдвинутая Д. Юмом идея повторения была впоследствии развита и использована А. Бергсоном в его идее повторного воспроизведения жизни как различных степеней сжатия и расслабления того, что уже пережито, и в современном постмодернизме, представители которого Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Делез, Ж. Деррида уже и сами вещи рассматривают не как вещи в обычном

понимании, а как совокупность линий разной интенсивности [5; с.40-150]. Никаких противоположностей нет, существуют только различия, разнообразие.

Сама культура и ее уникальность может быть непосредственно воспринята как некоторое различие и разнообразие среди других различий и разнообразий. Между природой и культурой нет противоположности и противоречия, а есть только различие. Но это различие носит интенсивный, а не экстенсивный характер. Это напоминает различные степени сжатия и расслабления у Бергсона. Бергсон различает сферу действия, когда непосредственно восприятие порождает непосредственное действие и сферу чистой памяти, когда субъект полностью погружен в воспоминания, живет только тем, что уже пережито. Между этими сферами существует бесконечное множество промежуточных срезов, каждый из которых характеризуется определенным балансом между восприятием-действием и прошлым опытом [5; с.262].

Получается, что каждый раз разыгрывается одна и та же судьба, ибо прошлое постоянно с нами, оно каждый раз в каждое мгновение жизни переживается по-новому, повторяется с различной степенью интенсивности.

У Делеза событие, случившееся раньше повторяет то, что случится позже. Так ранняя любовь ребенка повторяет взрослую любовь к женщине.

То, что случилось раньше, парадоксальным образом повторяет (не предшествует) то, что случится потом. Оно как бы содержит в себе сжатым образом то, что будет потом. Сходную идею выдвинул в свое время Н. Кузанский. Основная мысль Кузанского – «знающее незнание»: в сознании непознаваемости высшей истины «свернутым» - сжатым образом содержится знание о ней. В непознанном сказывается, таким образом, изначально известное; отдельное свидетельствует о предсуществовании целого, разнообразие – о лежащем в его основе единстве.

Следовательно, культура и ее уникальность свидетельствуют о каком-то предсуществовании, о чем-то таком, что уже повторило в себе и культуру. Каждая культура как уникальность есть переживание прошлого опыта, общего для всего человечества. Означает ли это, что культурная деятельность, творчество являются собой лишь развертывание ранее пережитого, в котором господствует жесткий детерминизм? Очевидно, что нет. Пережитое ранее лишь задает некий горизонт, внутри которого царит хаос, свобода выбора, разнообразие вариаций. Эта свобода выражается, прежде всего, в свободном выборе уровня соотношения между непосредственностью восприятия-действия, когда прошлый опыт практически не задействован, и сферой чистого опыта. Безусловно, что творчество как свободное самопроявление тем более соответствует самому себе, чем дальше оно находится от сферы непосредственного восприятия и, наоборот, творчество вырождается в ремесленничество, когда оно непосредственно откликается на «актуальную потребность». Это то же самое, что просто любить или быть «жрицей любви».

Но что задает горизонт, внутри которого осуществляется становление человека, его судьба и судьба той или иной культуры как уникальности? Переживание чего повторяет и будущую личную судьбу, и судьбу культуры? У Делеза таким является равенство неравного в бытии [3; с.56-57]. Равенство неравного в бытии аналогично «кочевому распределению», когда в далекие времена небольшие группы людей находились среди безбрежных пустых пространств и стояла задача не распределить землю среди людей, а, наоборот, самим распределиться на ней. Здесь действовал принцип «кто сколько сможет». В таком распределении каждый пытался реализовать себя на пределе, ибо рядом мог находиться сосед, который мог захватить больше. Так возникло неравенство, хотя задействовано было равенство. Нечто подобное реализуется и в более общем плане в бытии. Неравенство, различие обуславливается неограниченностью бытия. Поэтому в самом бытии и отдельные люди, и целые народы реализуют себя на пределе.

Психологи отмечают «одержимость» человека бытием. Ученик К. Юнга К. Кереньи считает, что на самых ранних этапах становления «архаического» человека в нем

реализуется «неопределимое влечение создавать нечто оформленное – оформленное в духе, подобно тому, как оформленные вещи создаются телом». Овладение бытием – как осознанная первичная потребность уже на самых ранних этапах представляется, «оформляется» в виде определенного «духовного плана». Это переживается со всей непосредственностью первоначала [6; с.34-36]. Безусловно, что этому плану-переживанию должны соответствовать определенные аспекты мира. Превосходство определенной культуры заключается в степени соответствия первоначального плана – переживания определенным аспектам бытия. Духовные планы, которые обрели свое выражение в мире и в связи с миром, предстают теперь как основные планы. Таким образом, возникает определенная устойчивость, и создаются условия для повторения.

Каждое устойчивое состояние стремится к самосохранению, а значит и к повторению. Но для существования устойчивости нужна специфическая сила, особенный талант – такой талант присущ художнику, творцу, основателю. Это напоминает ускоренное движение, когда постоянство ускорения обеспечивается постоянством действующей силы. Может быть более сложный случай, когда сила каждый раз меняется. Тогда и ускорение будет меняться. Таким образом, движение будет просто неравномерное, или, выражаясь метафизически, оно будет представлять собой повторение, но повторяться будет уже не ускорение, а сама неравномерность как неравномерность.

Устойчивость, возникшая на ранних этапах становления той или иной культуры, повторяет будущие ее формы, вариации также благодаря наличию некоторой непостоянно действующей силы, (ею в данном случае является «народ»), среди которого находится творец, основатель.

Трудно что-либо конкретно сказать в отношении первоначального плана. Как и кто или что конкретно его создает? Ясно только одно – что это план-гипотеза, план-набросок. Возможный вариант ответа на этот вопрос о «виртуальном объекте», «темном предшественнике» (Ж. Делез). Каждая культура представляет собой уникальный способ моделирования отношений с объективной реальностью. Ребенок моделирует отношения с реальностью, например, с матерью, закладывая пальцы в рот, или, расставив руки в стороны, представляет себя летчиком.

Все это воображаемые виртуальные объекты, лежащие как в основании становления отдельной личности, так и в целом культуры. Виртуальный объект постоянно смещается между рядами различий, возникающих в культуре как в повторении и обуславливает в том месте, где он «всплывает», возникновение определенной культурной формы. В отношении украинской культуры такого рода виртуальным объектом может быть признано запорожское казачество. Таким способом молодой этнос пытался овладеть бытием. Можно сказать, что этот своеобразный план-набросок овладения бытием повторил, в принципе, украинскую культуру.

Но различие, уникальность несут в себе опасность как этноцентризма, так и культурной самоизоляции. Но, где опасность, там зреет и спасение (М. Хайдеггер). Никому не дано права нарушать законы бытия. Принцип равенства неравного, который порождает саму уникальность, в своем повторении предусматривает и конкуренцию самого принципа, и сотрудничество.

Литература

1. Бергсон А. Материя и память. - М.: Мысль, 1997. - 320 с.
 2. Гердер И.Г. Избранные произведения. - М. - Л., 1959. - 340 с.
 3. Делез Ж. Различие и повторение. - М., 1998. - 340 с.
 4. Деррида Ж. О граматологии. - М., 2000. - 345 с.
 5. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. - М., 1993.
- Юнг К. Душа и миф. Шесть архетипов. - М., 1996. - 420 с.